

Эдриан Лайн: Наверху решили — эта тема нам не подходит

русская телега, 1998, 24 февр. с. 10
Мистер Лайн, что вы можете возразить тем, кто считает, что проза Набокова непереносима на экран из-за того, что в ней самое главное — стиль?

— У нас было много сценариев, написанных совершенно замечательными людьми, такими, например, как Гарольд Пинтер. Но мы взяли не их, а сценарий Стивена Шифа, потому что он был самым набоковским. Сценарий Пинтера был прекрасной вещью, но там было больше Пинтера, чем Набокова, а мы старались сохранить набоковский язык. Конечно, вы правы, этот роман очень трудно экранизировать, потому что в нем очень мало прямого действия: всего пять или шесть событий, а так почти ничего не происходит. Но с другой стороны, там множество гениально замеченных деталей. Так что я не согласен с тем, что проза Набокова непереносима на экран: несмотря на свою сложность, его язык очень кинематографичен. Он визуален и тактилен.

Воспринимаете ли вы, хотя бы отчасти, Набокова как русского писателя?

— У него удивительный английский язык, так что, читая роман, совершенно не думаешь о том, что автор русский. Вы ведь знаете, роман был сначала написан и напечатан на английском, хотя и в Париже. Так что, делая фильм, я делал его о европейском интеллектуале, который в 1947 году, сразу после войны, путешествует по Америке, пересекая ее с востока на запад. Гумберт и Лолита очень странная пара. И мне нравится полная невозможность этой ситуации: европейский интеллектуал и американская девочка с ее жевательной резинкой и журналами комиксов в одной машине. И они не могут убежать друг от друга.

То есть вы не чувствуете влияния русской культуры?

— Это роман о человеке, отец которого был полуфранцуз-полуавстриец, а мать англичанка. Сам он занимается французской и английской литературой, так что мне кажется, что когда Набоков писал «Лолиту», он не думал о своих русских корнях.

Почему некоторые эпизоды романа не вошли в фильм?

— Я снял на несколько сцен больше, чем вы видели. Например, был эпизод, когда Гумберт и Лолита играют на шахте, она подкидывает яблоко, потом он отнимает у нее журнал, они борются,

МАКСИМ НОВИКОВ/РТ

Весь нынешний месяц кинолюбые обречены выбирать между тонушим «Титаником» и тонушим в своей страсти Гумбертом Гумбертом, между «Кодаком» и Киноцентром. Оба фильма уже подверглись сокрушительной критике на страницах «РТ», но на премьерном

показе «Лолиты», состоявшемся в Киноцентре 20 февраля, все равно был аншлаг. Убедить москвичей в том, что новая «Лолита» достойна всяческого внимания, приехали режиссер фильма Эдриан Лайн и сын писателя Дмитрий Владимирович Набоков.

Лолита лежит у Гумберта на коленях, и он едва ли не кончат. Я его снял, но потом вырезал — и не из-за каких-нибудь цензурных соображений, а потому что за ним шла очень лирическая сцена, когда Лолита целует Гумберта перед отъездом в лагерь. Но если бы она шла после того эпизода, о котором я говорил, то зрителю хотелось бы крикнуть: «Не трогай его, не трогай его, он мерзкий и гадкий извращенец!» Это убило бы всю романтичность сцены прощания. В романе это не так важно, потому что между двумя сценами читатель может отвлечься, отложить книгу, сделать какие-то свои дела и забыть, что там было на предыдущей странице. А в кино так не получается. Впрочем, моя жена думает, что эту сцену надо было оставить, так что, может быть, я когда-нибудь сделаю более длинную версию фильма.

Были ли вы вынуждены пойти на какие-то сокращения из-за, скажем так, соображений благопристойности?

— О да! Мы сидели с моим юристом шесть недель и приводили фильм в соответствие с новым законом. К примеру, я теперь не могу использовать взрослых при изображении детей, и поэтому все эпизоды, где Лолита была голой, пришлось выкинуть, хотя там ее играла совершеннолетняя дублерша. Но я не думаю, что это сильно повредило фильму.

Как вы думаете, с чем связано такое пристальное внимание к вопросу о педофилии в современной Америке?

— Я связываю это с тем, что в девяностые годы климат драматическим образом изменился. Теперь если семилетний мальчик целует одноклассницу, его обвиняют в sexual harassment. Фильм Фолькера Шлендорфа «Жестяной барабан», за который он получил в свое время «Оскара» и Золотую ветвь в Канне, был запрещен в Оклахоме. Они ходили по домам и отбирали у людей кассеты! А это великий фильм! Но когда я начинал «Лолиту», никто не говорил о педофилии — ни в Бельгии, ни во Франции, ни в Америке. Но сейчас люди напуганы всем, что они узнали. Они не хотят смотреть фильмы, где речь идет о педофилии. О некрофилии — пожалуйста, о каннибалах — сколько угодно, но о педофилии — ни в коем случае.

Каковы шансы на то, что «Лолита» все-таки выйдет в Америке?

— Я не знаю. Все очень плохо. Я не понимаю, что случилось. И становится все хуже и хуже, потому что вначале я получил очень хорошие отзывы от голливудских администраторов — от исполнительных продюсеров, президентов кинокомпаний, агентов. Все были полны решимости — но в один прекрасный день все кончилось. Я думаю, это было корпоративное решение, принятое где-то наверху. Кто-то сказал: «Не трогай педофилию! Эта тема нам не подходит!» И все. Но я все равно рад, что сделал этот фильм: в конце концов, он снят по прекрасному роману.

Беседовал
СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

В том, что Дмитрий Владимирович Набоков чрезвычайно похож на отца, первыми убедились петербуржцы, потом — зрители «Намедни», а в прошлую пятницу — те москвичи, которых не смутил сто-рублевый билет на премьеру. Едва сын писателя появился на сцене Киноцентра, излюбленный набоковский мотив двойников зашелестел бабочками, замерцал в зеркалах — чтобы тут же умереть в фильме.

С той же темы началась и пресс-конференция: почему добротная кино-story кончается гротесковым убийством Куилти? Набоков-сын признался, что его это поначалу тоже смущало («Нам не очень везло с экранизациями...»), а теперь нравится. Но если его нежное отношение ко всему фильму можно расценить как «на безрыбье и Лайн — фан», то благоволение к финалу понятно: здесь на мгновение вспыхивает уголек набоковского бледного огня. «Финал точно соответствует духу книги», — сказал Д.В., а мы бы добавили, что только он и соответствует.

Вопрос «а было ли убийство?» запутан Набоковым с мастерством Штирлица — как с мастерством Романа Гари запутан вопрос об авторстве. В.В. прячется за издателя, который предлагает читателю исповедь Г.Г. «Лолита» — вся — веретено галлоцидий, паутина анаграмм под звуки пьяного вэйтсва фортепьяно; Гумберт растворяется в джиджана-се, двойится тенью К.К. «Куилти не по-

Загнанных овечек клонировать, не правда ли?

Сыну Набокова новый фильм
 про Долли Гейз нравится

гибает, а с каждой пулей только омоложивается», — точил на пресс-рагу режиссер-бахтинянец.

В погоню за ускользающим Набоковым кинематограф пускался нечасто, максимально приближаясь там, где отказывался от тупого нарратива и формальными приемами добивался эффекта отстранения. Фасбиндер («Отчаяние») — спящей тьмой югендштгиля, Ежи Сколимовский («Король, дама, валет») — остроугольным гротеском актерских движений. По поводу же кубриковской «Лолиты» Д.В. заявил, что ближе к духу книги Лайн. Кубрик, лишивший роман киноженственности, купился на острую тему; выжал из Набокова сюжетный концентрат, развел в закипающей сексреволюции и получил вполне съедобный продукт. Простодушные янки удивились, что фильм черно-белый, но не поняли, что автор подбрасывает документ, компромат. Отметив ч/б Кубрика как достоинство, Д.В. произнес загадочную фразу: «Хотя фильм Лайна и цветной, но в моральном смысле он остается черно-белым. Многие люди узнали в себе Гумберта». Но прозвучало это как эхо битв с американской цензурой.

Лайн высказался мягче: «Гумберт — романтичен и чудовищен одновременно»; поделился желанием делать фильмы о людях ранимых, а не о героях, как это принято в Голливуде. Но впечатление такое, что, не имея в блевотно-политкорректной Америке возможности играть с образом Лолиты, осторожный режиссер всю душу вложил в natural born Humbert — Джереми Айронса. Болезненный раститель превратился в Печорина провинциальной Америки; иссохший интеллект вылеплен почти с набоковской нежностью. Страдания европейского интеллигента Лайну удалось; он специально напомнил: «I am Englishman in New York».

Но как бы ни был режиссер чуток к амбивалентности Г.Г., «сделать хорошее кино из плохой книги всегда легче, чем из шедевра», — изящно изрек Набоков. Никто и никогда не сможет снять вибрацию двери, которая «была слабой заменой той заслуженной оплеухи наотмашь по скуле». Набоковских виражей-витражей в фильме нет; но от конфитюрного клипмейкера их и не ждали. Ждали Лолиты, в чем Шарлотта родила;пряного обаяния эстетизированной педофилии. Но два часа фирменной лайновской эротики отрезаны. Слушать же его жалобы на време-

на, нравы и цензуру просто неинтересно. Страшно — не лезь. В конце концов, Набоков Нобелевской премией пожертвовал.

И не в том беда, что Доминик Суэйн «корова» и «лошадь», как обзывает ее наша пресса. Кинокритики, видимо, стесняются признаться, что такой вот аппетитной девочкой-овечкой хочется обладать каждому. На самом деле ее никому не должно хотеться, кроме Гумберта-Куилти. Но реальной набоковской нимфетки, ее пугающей хрупкости и отгалкивающей вульгарности, привлекающей лишь для избранных, в картине нет. Без красоты Гейзики — взрослой Ло (которая в фильме убита гротеском Мелани Гриффит) набоковское открытие меркнет. Ведь Гумберта именно пошлость красоты отгалкивала — как и самого В.В.

Там же, где у Набокова лишь вспышка, у Лайна лежит вкусная пышка, вся мокрая, как Бэйсингер. Оскоминый романтизм вместо физиотерапии; любовь вместо болезни. «Лолита», написанная на других берегах, про подлинную жизнь там, Пниным, а не Юдуновым-Чердынцевым, неизбежно остается русско-достоевской. Аннабелла держит в руке «скипетр его страсти», а из моря, пугая юных любовников, выходят «сободряющими возгласами» очевидно русские мужики, 33 богатыря. Но вместо достоевского нерва — европеизированный китч в ретро-стиле, приправленный фруктовым десертом. Где нужен намек — у Лайна плакат, где нужна акварель — у него масло. Тут бы надо быть Ватто — а он Пуссен.

Д.В. отвлекся от фильма и рассказал, что папа снимался в масковке у Фрица Ланга («Доктор Мабуз»), обсуждал возможное сотрудничество с Хичкоком и вообще любил кино — как все новое. Но вопрос же, был бы счастлив Набоков, узнай он о том, как его любят, читают и экранизируют, сын ответил сдержанно: «Он был бы тронут. Но его всегда волновало то, как это делается. Впрочем, «русская публичка чутче к литературе, чем американская, поэтому фильм ей должен понравиться — так же, как мне». И еще Д.В. желает, чтобы Лайн экранизировал «Аду».

После пресс-конференции бывший оперный бас и автогонщик раздавал автографы. Зрители за ними ломились, потому что хоть двойник, но законнорожденный. Не клонированный.

**НИКОЛАЙ МАЛИНИН,
 АНТОН МАЗУРОВ**